

Л.М. ПАНТЕЛЕЕВА
С.В. ХОРОБРЫХ

Лингвосемиотика
похоронной
культуры:
деревня и город

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
МОСКВА, 2022

УДК 393.05
ББК 71.05
П16

<https://elibrary.ru/uteelm>

Рецензент

доктор филологических наук, профессор Пермского
государственного гуманитарно-педагогического университета
И.А. Подюков

Пантелеева, Л. М., Хоробрых, С. В. Лингвосемиотика
П16 похоронной культуры: деревня и город [Текст] : моногр. /
Л. М. Пантелеева, С. В. Хоробрых ; Нац. исслед. ун-т «Высшая
школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы эконо-
мики, 2022. — 205, [3] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2680-4
(в обл.). — ISBN 978-5-7598-2825-9 (e-book).

В монографии обсуждается проблема неоднозначности понятия «народная культура» и предлагаются два новых ракурса его рассмотрения — социально-информационный и концептуально-цивилизационный. В рамках этих подходов авторы проводят характеристику разных типов народной культуры (традиционной и массовой) через лингвосемиотику похорон. Материалом исследования выступают диалектная речь жителей сельско-деревенской местности, фольклорные эпитафии на городских кладбищах, а также названия городских ритуальных агентств. Языковые данные сбалансированы в соответствии с несколькими принципами упорядочения материала — семиотическим, тематическим и географическим.

Издание предназначено для широкого круга ученых, исследующих культуру в разных ее проявлениях.

УДК 393.05
ББК 71.05

Иллюстрация на обложке: Коми-пермяцкое кладбище, с. Отево
Соликамского уезда. 1903 г. Фотография неизвестного автора.
Фотобумага, фотопечать. КПКМ ОФ 2278/4.

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2680-4

ISBN 978-5-7598-2680-4 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-2825-9 (e-book)

© Пантелеева Л.М.,
Хоробрых С.В., 2022

Оглавление

5	Введение
23	Глава 1. ЛИНГВОСЕМИОТИКА ТРАДИЦИОННОЙ ПОХОРОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ
23	1.1. Пространственные смыслы концепта «смерть»
44	1.2. «Время» в похоронной лексике
70	1.3. «Живые и мертвые» в похоронно-поминальной обрядности
98	Глава 2. ЛИНГВОСЕМИОТИКА МАССОВОЙ ПОХОРОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКИХ ГОРОДОВ
98	2.1. Эпитафии на городских кладбищах: стилистические особенности
119	2.2. Денотативное пространство фольклорных эпитафий
138	Приложение. Тексты эпитафий на пермских кладбищах
147	Глава 3. ЛИНГВОСЕМИОТИКА МАССОВОЙ ПОХОРОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ С КОНСЮМЕРИЗМОМ
185	Приложение. Названия ритуальных агентств, привлеченные к исследованию
187	Заключение
192	Библиография
192	Источники
194	Литература

Список сокращений пермских топонимов, встречающихся в тексте

Б. Долды – Большие Долды	Кунг. – Кунгурский район
Бард. – Бардымский район	Лысвь. – Лысвенский район
Бер. – Березовский район	Н. Бычино – Нижнее Бычино
Больш. / Большесосн. – Большесосновский район	Окт. – Октябрьский район
В. Мошево – Верхнее Мошево	Орд. – Ординский район
Верещ. – Верещагинский район	Ос. – Осинский район
Гайн. – Гайнский район	Ох. – Оханский район
Добр. – Добрянский район	Перм. – Пермский район
Ел. / Елов. – Еловский район	Сол. / Солик. – Соликамский район
Ильинск. – Ильинский район	Сукс. – Суксунский район
Караг. – Карагайский район	Ус. / Усол. – Усольский район
Киш. / Кишерт. – Кишертский район	Чайк. – Чайковский район
Кос. – Косинский район	Част. – Частинский район
Краснов. – Красновишерский район	Черн. / Чернуш. – Чернушинский район
Кудымк. – Кудымкарский район	Черд. – Чердынский район
Куед. – Куединский район	Юрл. – Юрлинский район
	Юс. / Юсвь. – Юсьвинский район

Введение

В настоящее время культурная и культурологическая ситуация в аспекте жизни народных масс весьма неоднозначна. Процесс активного нарастания культурных форм, их слияния и взаимовлияния все чаще приводит исследователей к категоричным суждениям — например, о неотделимости феноменов одной культурной формы от другой (например, массовой от элитарной [Мороз, 2020]) или антисоциальности современного культурного мира [Ильин, 2014, с. 107]. Вместе с тем консенсус между разными позициями в видении современной культурной реальности труднодостижим по причине неупорядоченности понятий. Неупорядоченность проявляется не только в области главного предмета исследований [Лотман, Пятигорский, 1992, с. 132; Флиер, 2011, с. 95–96], но и в более узкой проблематике. Так, особое напряжение в смыкании разных точек зрения возникает на линии *народный — массовый — элитарный*.

Указанные проблемы усугубляются еще одним важным обстоятельством. Современная культура с ее гетерогенными и гетероморфными проявлениями (несмотря на все теоретическое и фактологическое обеспечение науки [Флиер, 2011, с. 80]) часто требует междисциплинарного препарирования. Выявление и анализ культурной материи нуждаются в разнородных междисциплинарных данных и инструментарии.

Разматывать этот клубок проблем крайне сложно, тем более если не иметь под ногами совершенно конкретного материала. Теоретизирование вокруг объекта, равно как и подборка разнородных примеров, рано или поздно выльется в схоластические рассуждения. Поэтому мы хотели бы предложить читателю свое видение проблемы содержания и разграничения разных типов

народной культуры посредством уравнивания материала в плоскости языка.

Начнем с прояснения понятийно-терминологического аппарата. Поскольку наше исследование проводится в области лингвосемиотики, целесообразно примкнуть к той системе культурологических взглядов, где культура понимается как «социальная информация, которая сохраняется и накапливается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых средств» [Кармин, 2009, с. 24]. Методологически мы избираем путь в русле идей московско-тартуской семиотической школы и пытаемся подобрать язык описания для культурных текстов, зашифрованных разными типами кодов. Основной метаязыковой единицей, «краеугольным камнем», в данном случае выступает *народная культура* как термин с неисчерпанным смысловым потенциалом.

В понятийном поле, покрываемом термином *народная культура*, нам видится много неоднозначного. Так, в современных исследованиях указанная единица не находит более-менее строгого определения в семиотическом аспекте. Собственно, и в любом другом она преподносится довольно неопределенно: даже в энциклопедическом словаре толкование термина начинается со слов «собирательное понятие, не имеющее четко опр. границ и включающее культурные пласты разных эпох от глубокой древности до настоящего времени» [Михайлова, 1998, с. 70]. При этом вводимая далее апелляция к народу как носителю этого типа культуры («Формирование и функционирование феномена Н.к. в этнич. сооб-ве или социальных группах и общностях разного типа связано с осознанием их принадлежности к народу» [Там же]) ставит новые вопросы о том, кого считать народом? Есть ли люди, которые не включаются в эту массу? В каких случаях принадлежность к народу может отрицаться?

Сложившаяся практика употребления термина *народная культура* в культурологических и смежных с ними исследованиях

дает возможность наблюдать две ведущие закономерности: когда его значение синонимично этнической культуре (ср. *традиционная народная культура*) и традиционной культуре — ср. «народная культура (правильнее называть ее традиционной)» [Флиер, 2011, с. 502]. Обе закономерности так или иначе выводят осмысление народной культуры в плоскость исторического прошлого, времени расцвета традиции как своеобразного культурного параметра, которым определяется содержание аграрной цивилизации. Если же этот феномен осмысливается по отношению к настоящему, то объектами анализа становятся явления, вытесненные «на периферию культурного сознания» [Каргин, Хренов, 2000, с. 7], т.е. не укладывающиеся в мейнстримное движение цивилизации. Именно это и кажется нам спорным: почему культурная парадигма, которой определяется содержание развивающейся (постиндустриальной) или предшествующей (индустриальной) цивилизации, не наделяется статусом народной? Почему «народное» прочно связывается с земледельческим укладом жизни (архаизирующейся ныне крестьянской культурой) и не применяется, например, к потребительскому выбору или виртуальной реализации современников?

Все эти вопросы заставляют нас заново переосмыслить содержание широко известного термина и раскрыть в работе два следующих возможных его истолкования, удовлетворяющих информационно-семиотическому пониманию культуры. Назовем их условно «социально-информационный» и «концептуально-цивилизационный» подходы.

Первый подход предполагает разграничение культур по характеру знаковой информации, вычленяемой, интерпретируемой и порождаемой их представителями. На этом основании нам кажется возможным выделение, с одной стороны, элитарной культуры — культуры высоких порядков — высокоинтеллектуального, высокодуховного, высокохудожественного, а с другой —

народной культуры, обращенной к «низовому уровню»: простой, не требующей высокой образованности, со слабо проявляемой индивидуальностью.

Между членами данной оппозиции невозможно провести однозначной границы, элитарное — народное может рассматриваться, скорее, как некоторая шкала, между предельными значениями которой располагаются так называемые промежуточные культурные формы [Метальникова, 2000; Неклюдов, 2001]. Более того, количество последних со временем увеличивается, потому что усложняется социальная организация. Театральная самодеятельность, деятельность клубов любителей поэзии и краеведов, творчество непрофессиональных художников, музыкантов, танцовщиков и т.д., — все это дает возможность наблюдать и исследовать не только существо промежуточной культуры, но и элементы выделенных полярных типов, перекрещенных в ней.

Промежуточные формы, заполняющие пространство между полюсами шкалы, делают незаметным разрыв культур по семиотической сложности. Будучи наиболее близкими к обывательской повседневности, но в то же время более сложно организованными, они часто воспринимаются представителями народной культуры как элитарные. Исследования показывают, что феномены народной культуры более широко и ярко проявляются среди людей, «не испорченных» образованием. Поэтому сегодня в научных работах выборка информантов (носителей народной культуры) нередко задается такими социальными параметрами, как невысокое образование (или необразованность) и занятость в рабочем (трудовом) секторе. Прежде же эти качества характеризовали целые общественные сословия и классы, в которых жила и развивалась народная культура.

Носитель народной культуры часто мыслит и ведет себя стереотипно: он оглядывается на мнения других, доверяет слухам и популярной информации. Стереотипы, с одной стороны, из-

бавляют его от психологического напряжения при восприятии и интерпретации нового и неизвестного, а с другой — ведут к упрощенному пониманию мира, консервативным решениям, деиндивидуализации взглядов, предугадываемому поведению. Следуя социальному инстинкту коллективности, он чаще доверяет тому, что уже получило проверку в общественной практике, что имеет народное «хождение», нежели тому, что подтверждается теоретически.

Народное мировоззрение складывается в результате наивно-го осознания реальности. Недостаток знаний в миропостижении преодолевается опорой на коллективный опыт, догмы, интуицию, историческую традицию и т.д. В наивных рассуждениях рация часто теряет силу перед привычкой и авторитетным мнением.

В наивном сознании порождаются мифологические представления об истории своего рода (семьи, общины, народа, человечества), принципах мирового устройства и месте отдельного человека в нем, смысле существования всего сущего, грядущем времени и т.д. «Миф удовлетворяет потребность в целостном знании о мире, организует и регламентирует жизнь общественного человека (на ранних этапах истории — полностью, на более поздних — совместно с другими формами идеологии, наукой и искусством). Миф предписывает людям правила социального поведения, обуславливает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества и индивидуума» [Неклюдов, 2000].

В мифологических образах и сюжетах, как и в других типах наивных представлений, проявляется концептуальное содержание народной культуры. Количество и качество концептуальных моделей, их компонентов, а также межсистемных и межкомпонентных связей исторически изменчиво. Содержание формально тождественных знаков и текстов народной культуры неодинаково в разных социально-исторических контекстах.

Рассмотренные выше признаки народной культуры — стереотипность, ненаучность, мифологизм — могут задавать целостную жизненную стратегию каких-либо социальных групп или проявляться в жизненном плане отдельного индивида, когда он не включен в профессиональную ситуацию, когда ему важно не проявить себя, а поддержать сложившуюся традицию. В отличие от представителей аграрного общества, современник имеет более разветвленную систему идентичностей, и народная культура — лишь один из компонентов идентичностного профиля личности. Современник, живущий в поликодовой реальности, в разной степени включается в частные семиотики — в одни более глубоко, в другие — менее глубоко. А это, в свою очередь, влияет на развитие его конкретных идентичностных структур.

Таким образом, простота и сложность частных семиотик, с которыми имеет дело индивид или социальная группа, определяют проявление народного или элитарного типа организации культуры. При этом в ряде культурных ситуаций информационное пространство организовано принципиально ненаучно и традиционно: в современной культуре это народные праздники, способы досугового времяпрепровождения, семейная обрядность, народная медицина и др. Поэтому к ним чаще всего и обращаются культурологи для выявления особенностей народной культуры.

Ставшее сегодня очевидным разделение общества по типу потребляемой информации актуализирует представленную оппозицию в частной проблеме: противостояния элитарного и массового [Кондаков, 1998]. Но это лишь один из ракурсов общего разделения культур по характеру обращения их представителей со знаковыми системами. Элитарное и народное может быть рассмотрено, например, через призму книжной дворянской культуры и традиционного крестьянского мира, официальной врачебной практики и народного самолечения, театральной дея-

тельности и домашних концертов, художественной и наивной литературы и т.п. Кроме того, в каждом из этих противопоставлений можно наметить упоминаемые выше промежуточные типы или периферийные проявления.

В рамках второго подхода под народной культурой нами понимается форма культурной организации широких общественных масс, свойственная тому или иному цивилизационному периоду. Так, по характеру концептуальных моделей различается народная культура доиндустриального и индустриального общества. В культуре общества с аграрным укладом действует традиционная модель, в которой поддерживаются ценности коллективизма, культ природы, ориентация на воспроизведение прошлого, представления об изоморфности мира и человека. Разновидности традиционной культуры определяются территориальным фактором, межпоколенческие связи являются крепкими и характеризуются слабой динамикой.

В современной науке накоплено уже достаточно много сведений о том, какой формы, из какого материала, на какой глубине залегал тот древний сосуд, на примере которого Н.И. Толстой рассуждает о реконструкции общеславянской модели традиционной духовной культуры [Толстая, 2015, с. 29]. Напротив, народная культура индустриального и современного — позднеиндустриального — общества, которую часто называют массовой и по большей части критикуют, на концептуальном уровне изучена еще недостаточно. В частности, до сих пор остается нерешенным вопрос о характере ее субстанции и акцидентальных свойствах.

Сегодня ученым ясно, что массовая культура — совершенно из другого теста, нежели традиционная. В ней поддерживаются ценности индивидуализма, свободы, труда, денег, семьи, предполагается рациональное отношение к действительности. Она ориентирована на будущее, но в то же время лишает человека возможности контролировать социальные процессы. Ее разновидности опреде-

ляются социальными факторами, межпоколенческие связи являются слабыми и характеризуются усиленной динамикой.

По типу населения массовая культура противостоит традиционной как культура города культуре деревни. В российской действительности миграция из сельско-деревенских поселений в город началась со второй половины XIX века, а существенно активизировалась во второй четверти XX века. Постепенно сближаясь, количественные тренды сельско-деревенского и городского населения пересеклись в конце 1950-х годов, после чего разошлись в противоположные стороны. Время демографического перелома условно обозначило период смены вех — архаизации культуры крестьян и развития народной городской культуры. В настоящее время доля горожан составляет 3/4 от общей численности населения РФ¹.

Мир города как культурная форма складывался в ином контексте, нежели традиционный крестьянский мир. С одной стороны, в нем перемешивались разные традиции, привносимые в новое культурное пространство выходцами с разных территорий. А с другой — уже в начале XX века стремительное развитие информационных технологий оказывало сильное влияние на культурные нормы обывателей. И если в советское время информационные органы были поставлены на службу государства и распространяли политическую пропаганду, то после смены режима в информационном потоке наряду с пропагандистским явлением обозначился коммерческий уклон. Так называемая потребительская культура стала формировать новые общественные вкусы и установки.

Безусловно, потребительская культура (культура для масс) является «низовой» не по происхождению, а по адресату. Однако

¹ См.: Демография // Сайт «Федеральная служба государственной статистики». <http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#> (дата обращения: 04.01.2021).

она не может быть сброшена со счетов в разговоре о парадигмах культурной жизни народа: многие ее формулы, установки, мифы, нормы вошли в народный обиход и воспринимаются носителями народной культуры уже как свои. Нам не хотелось бы называть эту культуру массовой, чтобы не создавать омонимию терминов, однако в современных культурологических исследованиях часто присутствует именно такое обозначение. В рамках настоящей работы культуру для потребителей мы будем называть консюмеристской.

Нам близка точка зрения В.А. Куренного, разделяющего эмансипаторные и манипулятивные теории массовой культуры [Куренной, 2015], сущность которых коррелирует соответственно с обозначенным нами разделением культуры масс и культуры для масс. Такова уж специфика нашего времени, что культурные потребности народа могут удовлетворяться как самостоятельно производимыми феноменами, так и специально созданными. При этом потребление культурных продуктов совсем не отменяет право адресата (потребителя) на выбор, интерпретацию, приятие или неприятие.

Таким образом, современную культурную организацию широких общественных масс в России мы видим неоднородной. Ее нижний слой — традиционная культура — все более и более истончается и теряет жизнеспособность в актуальной реальности. Носители традиционной культуры уходят, унося с собой древнюю культурную традицию, либо приспосабливаются к массовой культурной модели, а следовательно, и перенимают ее норму.

Основной слой — массовая культура — полноценно развивается в городской среде, хотя в последнее время все обильнее проникает через дачников и в сельско-деревенский быт. Однако современное сельско-деревенское пространство выступает лишь новой площадкой для реализации урбанистических концепций. (В антропологических исследованиях эта разновидность массо-

вой культуры рассматривается как отдельный объект под названием «новая сельскость» [Мельникова, 2020].)

Следует наметить и верхний — нарождающийся — слой народной культуры — культуры постиндустриального общества, который еще весьма слабо и неравномерно распространяется в России. Говорить о нем как о поистине народном в смысле охвата населения пока слишком рано (это хорошо видно по провинции), но в то же время следует признать, что переход к новой цивилизационной форме, с ее информациональностью [Кастельс, 2000], новым принципом социальной стратификации [Бауман, 2005, с. 182–183], сервисной экономикой [Белл, 1999], уже не просто умозрительно проектируется, а реально совершается на наших глазах.

Смена концептуальных слоев народной культуры осуществляется постепенно, благодаря чему сегодня мы имеем возможность наблюдать условно называемые прошлый и настоящий мир. Обозначенная динамика отнюдь не поверхностна и не всегда распределяется по социальным группам. Отдельный человек тоже может чувствовать проходящий через него «ток истории» и обнаруживать в слоях собственной идентичности маркеры разных культурных форм. Особенно ярко это проявляется у переезжающих в города деревенских жителей, а также коренных провинциалов, в чьем быту еще сохраняется хозяйственное размежевание на организационный и земельный (или собирательский) труд, каждый из которых предоставляет средства к существованию. В культуре малых периферийных городов, особенно с длительной историей, носители традиционного сознания встречаются часто, поскольку их родственные связи и хозяйственная деятельность поддерживаются окрестными деревнями и поселками, а культурная традиция не всесторонне вытравливается инोकультурным воздействием.

На фоне динамики и пересечений концептуальных слоев народной культуры наблюдается их активное взаимодействие с

внесистемными формами, например, такими как культура консюмеризма. И все же в сложно организованном социальном пространстве можно увидеть и вычленить нити разных культурных форм, имея для этого специальные инструменты.

Намеченные выше аспекты концептуально-цивилизационного подхода — динамический и межсистемный, о которых в свое время говорил Ю.М. Лотман, являются основными в описании любых семиотических систем [Лотман, 2000, с. 12]. Переходя от характеристики понятийно-терминологического аппарата к сути нашего исследования, укажем, что оба аспекта не просто учитываются, а задают общую стратегию изучения тематически однородного, но концептуально различного культурного материала. В настоящей монографии речь пойдет о специфике народной лингвoseмиотики похорон в разных культурных средах.

Основной целью исследования является определение семиотических особенностей русского похоронного обряда в зеркале традиционной и массовой лингвокультуры, а также в пространстве пересечения массовой и консюмеристской лингвокультуры. Актуальность исследования назрела в связи с накоплением огромного корпуса материалов о различных сторонах похоронной обрядности в прошлом и настоящем, и в этом корпусе пока количественно доминируют работы по культурам традиционных обществ. Потребность в последовательной «связке» разных культурных материй определяется необходимостью векторного обзора трансформаций в сущности смерти как этнической и цивилизационной универсалии.

Системное исследование динамики категории смерти на языковом материале осуществляется впервые. Попытки целостного осмысления смены мировоззренческих представлений о смерти на ином материале тоже немногочисленны. Среди тех, которые отличаются концептуальной новизной, можно назвать, например, книгу французского историка Ф. Арьеса «Человек

перед лицом смерти», где дается описание мыслительно-художественных образов и реальной «обставленности» похорон в европейском обществе с архаики до прошлого столетия [Арьес, 1992]. Или монографию американского историка М. Блэк «Смерть в Берлине» о развитии немецких представлений о смерти и самого похоронного обряда под влиянием культурно-политического контекста 1920–1960-х годов [Блэк, 2015]. А также книгу российского антрополога С. Мохова «Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия» [Мохов, 2020], посвященную исследованию философии похорон в аспекте отношения к мертвому телу. Но наиболее близким настоящему исследованию по времени, этнической почве и культурологической выборке является диссертация А.Д. Соколовой «Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв. (на материалах Владимирской области)», в которой прослеживаются изменения в структуре похорон в советском и постсоветском дискурсе [Соколова, 2013].

Наша исследовательская логика развивается в русле сравнительно-сопоставительного анализа представлений о смерти, бытование которых связано с двумя социокультурными мирами: архаизирующимся — под этим определением понимается изживающая свой век традиционная культура, и актуальным — отражающим культуру масс в индустриальных городах. Лингвокультурный материал удовлетворяет социально-информационному пониманию народности и представляет собой образцы живой диалектной речи и письменный городской фольклор. Помимо «чистых» культурных форм изучению подвергается и пространство пересечения культур, т.е. сфера, в которой пролагаются связи между разными информационно-семиотическими системами — в данном случае между народной культурой и культурой консюмеризма. Репрезентация этой сферы осуществляется посредством совокупности локальных наименований ритуальных агентств.

Для того чтобы логическая нить свободно проникала сквозь разные типы культурной ткани, языковые данные были сбалансированы в соответствии с несколькими принципами упорядочения материала — семиотическим, тематическим и географическим. Семиотическое выравнивание заключалось в установлении лингвокультурных знаков путем ассоциативно-образной интерпретации языковой реальности в той или иной культурной среде. Тематическое выравнивание предполагало соответствие лексики похоронной сфере и в то же время концептуальным категориям «пространства», «времени» и «субъекта». Географические границы материала очерчивались по современной территории Пермского края.

Уникальная особенность описываемой территории — Пермского Прикамья — заключается в том, что языковой, предметный и ритуальный комплексы похоронно-поминальной обрядности до сих пор сохраняют древние черты и предстают как целостные культурные сценарии в провинциально-деревенской жизни. «Консервативность обряда и позволяет донести до наших дней архаические черты, раскрывающие древние представления о смерти, об устройстве потустороннего мира, о взаимоотношении мертвых и живых» [Подюков, 2008, с. 97]. В живой речи коренных жителей региона маркируется множество ментальных категорий, связанных со смертью, например, ее образы и приметы, причины и «агенты», земное и небесное пространство, время и характер, обереги и гадания — см. [Словарь мортальной лексики, 2020].

С другой стороны, пермская городская культура (что особенно свойственно средним и малым городам края) очень медленно развивается в постиндустриальном направлении. Сдерживающих эту динамику факторов довольно много. Это и преимущественный тип экономики, представленный промышленным сектором, горно-химический профиль которого сохраняется на протяжении нескольких веков. И этнокультурная идентичность жителей,

во многом исторически обусловленная финно-угорской культурой и свойственной ей «природосообразной» ментальностью. И субкультурный контекст территории, в котором заметное место занимают довольно консервативные социальные группы — военно-тюремная, тюремно-воровская, заводская. И общая, уже достаточно продолжительная, демографическая тенденция состаривания населения, сложившаяся в силу неблагоприятной экономической ситуации. Есть, наверное, и другие причины, позволяющие сегодня наблюдать проявления массовой культуры на позднеиндустриальном фоне.

Непосредственное прокладывание логической нити сквозь ту или иную материю требовало специфического инструментария как в сборе, так и анализе данных. По этой причине было принято методологическое разделение работы на три части. В первой осуществляется описание архаизирующегося мира русской деревни. Танатологические представления носителей традиционной культуры вскрываются на материале диалектной лексики и фразеологии, записанном пермскими учеными в ходе многолетней полевой работы, которая активно осуществляется с 1950-х годов по настоящее время. Источниками похоронной терминологии послужили словари: «Словарь пермских говоров» (2000–2001), «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа» (2006), «Русский народный календарь в Прикамье. Ч. III: Словарь хронимов» (2009), «Словарь русских говоров Южного Прикамья» (2010–2012), «Фразеологический словарь пермских говоров» (2002); коллективные этнолингвистические сборники материалов и исследований: «Вишерская старина: сборник фольклорно-этнографических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района Пермской области» (2002), «Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX — X веков» (2003), «Усольские древности: сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района

конца XIX — XX вв.» (2004), «Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района» (2006), «В каждой деревне чё-то да разно. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век)» (2007), «Песни и сказы долины камней. Обрядность и фольклор Кишертского района: материалы и исследования» (2008), «Юсьва — лебединая река: сборник трудов и материалов по традиционной обрядности Юсьвинского района» (2015); монография И.А. Подюкова «Круговорот жизни. Народный календарь Прикамья» (2001), диссертационное исследование А.В. Черных «Традиционная календарная обрядность русских Прикамья в конце XIX — середине XX вв. (региональный аспект праздничной культуры)» (2007), статьи С.Ю. Королевой «Обряд “проводов души” с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья)» (2014), «Чудь с русскими именами: кого и как поминают на чудских могильниках? (материалы Верхнего Прикамья)» (2014). В некоторых случаях, когда источник не обозначен, в книге используются экспедиционные записи 1995–2020 годов С.В. Хоробрых, директора МАУК «Усольского историко-архитектурного музея-заповедника “Усолье Строгановское”».

Методологические подходы в работе с диалектной лексикой опираются на разработки Московской этнолингвистической школы, а интерпретативные ракурсы конкретных феноменов коррелируют с исследованиями пермской научной школы «Лингвосемиотики культуры», возглавляемой И.А. Подюковым. Основным методом анализа языкового материала выступает лингвосемиотический, суть которого сводится к вскрытию культурно-коннотированных ассоциативно-образных смыслов, лежащих в основе языковых единиц.

Вторая и третья части работы посвящены исследованию актуальной культуры городских похорон под разными углами зрения — с противоположных ракурсов: когда обрядовая символю-

сфера задается личной волей городского обывателя и когда ему предъявляется некоторый символический код. Ракурсы, представленные в отдельных главах монографии, демонстрируют обозначенные выше «эмансипаторный» и «манипулированный» профили культуры масс, благодаря чему само это пространство предстает объемным и неоднозначным.

Во второй части изучены фольклорные тексты современной кладбищенской поэзии, бытующие на пермских провинциальных кладбищах. Их анализу в свете лингвоконцептологической теории предшествует решение застарелой филологической проблемы о признаках фольклорной эпитафии. Конкретная стратегия обработки материала коррелирует с принципами лингвистического анализа текста, сформулированными ведущими представителями Уральской семантической школы Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным.

В третьей части речь идет о символических смыслах в ритуальном ономастиконе города. Тема похорон в совокупности коммерческих номинаций Перми вскрывается путем многократного просеивания материала через лексикологическую и психолингвистическую рамку. Эти процедуры соответствуют методологическим принципам измерения эффективности рекламного имени, изложенным в докторской диссертации М.Е. Новичихиной [Новичихина, 2004]. Семиотическая классификация выявленной таким образом похоронной символики заимствуется из докторской диссертации И.В. Крюковой [Крюкова, 2004]. Интерпретация лингвокультурных знаков опирается на данные современных толковых и ассоциативных словарей, энциклопедических изданий, результаты конкретных психолингвистических и фоносемантических исследований, фиксацию слов в лингвистических и коммерческих информационных интернет-базах.

На фоне сквозной логики, принципы которой только что были обозначены, мы делаем ряд дополнительных наблюдений,

касающихся регионального облика народной культуры в ее архаизирующемся и актуальном состоянии. Это обеспечивает, с одной стороны, объективное отношение к материалу как привязанному к конкретным историко-географическим условиям, а с другой — возможность наблюдения за ролью регионального фактора в динамике народной культуры. Также в работе обращается внимание на религиозно-идеологическую канву похоронной обрядности и связанные с ней смысложизненные ценности, что, в свою очередь, позволяет увидеть различия в смысловом объеме формально одних и тех же лингвокультурных знаков и определяемую этим разницу в мировоззренческих системах носителей народной культуры прошлого и настоящего.

Разнородная лингвокультурная основа, разнотипная поисковая и аналитическая методика, многоаспектность концепции, конечно, повлияли на общую структуру повествования. Читатель может заметить, например, элементы разбалансированности в подборе материала по традиционной культуре, когда в одном параграфе речь идет о лексике, в другом — о фразеологии, в третьем — учитывается все сразу. Однако мы не видим в этом концептуальной недоработки, поскольку исходили из степени информативности языкового слоя для целостного представления о народной философии по отношению к одной из выбранных концептуальных категорий. Вообще говоря, условно названная «архаизирующейся» часть исследования гораздо больше сфокусирована на обобщении, чем на подборе методики — эта проблема, очевидно, более актуальна для современного материала в силу его генетической и формальной неоднородности, а кроме того, малоизученности.

Подобранные в исследовании частные методики и установленные точки зрения на материал получили внешнее рецензирование в ходе постепенной публикации готовых частей работы. Разделы монографии, составляющие ее основное содержание,

прежде были опубликованы в виде семи отдельных статей, шесть из которых вошли в сборники из базы РИНЦ, пять статей — в журналы из списка ВАК и три статьи — в журнал *Web of Science*; собранные вместе, они подверглись небольшому исправлению, изменению и дополнению. Финансовую поддержку в издании статей оказывал РФФИ и Пермский край в рамках конкурсов № 18-412-590002 «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья (по данным народной речи и обрядового фольклора)» (2018–2019), № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты» (2019–2021), № 20-41-590002 «Промышленные горнозаводские субкультуры Прикамья в языковом отражении» (2020–2022).

Panteleeva, Liliya M., Khorobrykh, Stanislav V. Linguosemiotics of Funeral Culture: Village and City [Text] / L. M. Panteleeva, S. V. Khorobrykh ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2022. — 208 pp. — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-2680-4 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-2825-9 (e-book).

The monograph discusses the problem of the ambiguity of the concept of “folk culture” and offers two new perspectives of its consideration — social-informational and conceptual-civilizational. Within the framework of these approaches, the authors characterize different types of folk culture (traditional and mass) through the linguistic semiotics of funerals. The material of the study is the dialect speech of the inhabitants of the countryside, folklore epitaphs in city cemeteries, as well as the names of city ritual agencies. Language data are balanced in accordance with several principles of ordering the material — semiotic, thematic and geographical.

The publication is intended for a wide range of scientists who study culture in its various manifestations.

Научное издание

Пантелеева Лилия Михайловна
Хоробрых Станислав Валерьевич

**Лингвосемиотика похоронной культуры:
деревня и город**

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Т.В. Кориунова*

Компьютерная верстка: *О.А. Быстрова*

Дизайн обложки: *В.П. Кориунов*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации
Тел.: +7 499 611-24-16, +7 495 624-40-27
bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 02.11.2022. Формат 60×88 1/16. Печать офсетная
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 8,9
Тираж 600 экз. Изд. № 2644. Заказ №

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
тел.: +7 495 624-40-27

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13,
тел.: +7 (8352) 56-00-23